

Церковь и религия в царской России: историографический обзор.¹ (Перевод с английского²)

Iriana Mukhina

Abstract:

This article is a historiographical survey of substantial critical revisions of church and religious history in Imperial Russia undertaken since 1991. Among the broad range of works presented in this survey, several significant studies challenge a common assumption that the Russian Orthodox Church was a “handmaiden of the state” by arguing that, in the last decades of the *ancien régime*, the Church was not willing to support the Russian state and that the “crisis of the old order” had incorporated the crisis of the church-state relations. In terms of religion *per se*, it has been established that the dynamics of popular religion in Russia did not parallel the processes of secularization evident in Western Europe. As time progressed, popular piety did not disappear and the rate of religious observance, both among males and females, was extraordinary high in absolute numbers and as compared to other countries. From a gendered perspective, some historians have also suggested that religion often functioned as a source of empowerment for women in Imperial Russia, especially for upper-class women, and that monasticism (convents) enjoyed a revival at the end of the nineteenth century. Finally, a significant body of scholarly works analyses religious minorities in Russia (Muslims, Catholics, Old Believers, etc.) and relates ethnic identity to the discourse of religion to conclude that religion was strongest in those communities where it was linked to ethnic or national identity. Suggestions for further research are also incorporated into this study.

---

¹ Для более ранних и более узко-тематических обзоров, смотрите Фирсов, С. Л. Краткий обзор обобщающих трудов и серийных изданий по истории Русской Православной церкви. // Нестор. 2000. № 1. С. 419-431. Freeze, G. L. Recent Scholarship on Russian Orthodoxy: A Critique. // Kritika. 2001. № 2. С. 269-78.

² Эта работа переведена с английского языка. Все цитаты из русских источников являются обратным переводом (русский – английский – русский).

Абстракт:

Эта статья является историографическим обзором основных научных работ 1990-х и 2000-х годов по проблемам изучения истории церкви и религии в царской России. В данном обзоре литературы основное внимание уделено работам ученых Соединенных Штатов. Среди прочих, особо следует отметить труды историков, оспаривающие дореволюционное положение Русской Православной Церкви единственно как придаток власти, как идеологический инструмент в руках самодержавия. Западные ученые утверждают, что в последние десятилетия старого режима церковь не поддерживала государственный строй и государственную политику в России, а также отдельно взятых царей. Такая ситуация привела к кризису взаимоотношений государства и церкви, ставшего неотъемлемой частью так называемого кризиса самодержавия. Далее, ряд ученых установил, что с точки зрения религиозности, процессы секуляризации в России развивались не идентично и не параллельно таковым процессам в Западной Европе. В России, народная набожность и приверженность религии не исчезли к началу двадцатого века. Наоборот, процент как женщин, так и мужчин, соблюдавших религиозные обряды, был чрезвычайно высок по сравнению с другими странами. Используя гендерный анализ, отдельные историки также показали, что религия часто выступала как источник независимости и контроля для женщин царской России. Так, к концу девятнадцатого века набирает силу и процветает монастицизм (женские общины), ставшие источником альтернативной социальной жизни для женщин всех слоев общества. Значительное количество работ анализируют различные религиозные общины в России (католические, сектантские, старообрядческие, и т.д.), делая особый упор на связь религии и этнического самосознания. Большинство таких работ приходят к выводу, что вне зависимости от контекста и деталей, религия как таковая оставалась наисильнейшей в тех общинах, где она была тесно связана с этническим или национальным самосознанием. Эти и многие другие проблемы обсуждаются в данной работе, наряду с предложениями и пожеланиями в области будущих исследований.

Советская историография религии и церкви дореволюционной России начала свое существование с работы Н. М. Никольского «История русской церкви».³ Эта работа стала первым обширным обзором истории Русской Православной Церкви (РПЦ) в Советском Союзе. Марксистско-ленинистские взгляды и определения, взятые за основу в этой

---

³ Никольский, Н. М. История русской церкви, издание третье. М. 1983.

работе, определили курс развития историографии религии для последующих историков Советского Союза. Вполне предсказуемо, Никольский оставил *религию* за пределами *религиозной истории*, показывая, что церковь была инструментом феодального строя, направленным на экономическое и эмоциональное подавление масс во имя продвижения интересов эксплуататорских классов. «Опиум для народа» - вот суть этой работы. Эта работа увидела свет в 1930-м году и в последующем была переиздана в 1931 и 1983 годах. В течение 50-ти лет, «История русской церкви» оставалась ключевой работой по истории религии и церкви дореволюционной России. Однако Никольский уделил основное внимание истории церкви до XIX-го века, что позволило последующим историкам критиковать Никольского за «неполное раскрытие карательных функций церкви» в последние десятилетия царского режима.⁴ Однако работы, появившиеся в 1970-х и 1980-х годах, не смогли вырваться из идеологических оков марксизма-ленинизма.⁵ Подобно Никольскому, они утверждали, что РПЦ была лишь инструментом в руках господствующих классов. Некоторые работы интересовались определенными аспектами истории религии. В частности, П. Н. Зырянов в своем труде «Православная церковь в борьбе с революцией» анализировал контр-революционную деятельность церкви в первое десятилетие XX-го века и утверждал, что РПЦ была заинтересована исключительно в подрыве революционного настроения пролетариата и поддержке самодержавия. Различные церковные реформы того времени были не чем иным, как «попытками духовенства перераспределить свои силы для разработки новых методов борьбы с революцией».⁶ Зырянов также остро раскритиковал и дискредитировал Джона Куртиса и прочих западных историков за то, что они «посмели заикнуться» о существовании либерально настроенного духовенства в последние дореволюционные десятилетия. Советские ученые, включая Зырянова, отрицали этот факт невзирая на историческую правду.⁷

Многие западные, а позже и пост-советские, историки соглашались, что важно признать большие достижения в области эмпирических исследований таких историков как Г.П.Францов, С.А.Токарев, М.С.Корзун, И.А.Крывелев, А.И. Клебанов, Н.М. Никольский, Д.М.Угринович и П.Н.Зырянов. Но даже самые консервативные ученые признали в начале 1990-х годов, что пришло время «критически пересмотреть устаревшие

---

⁴ Там же. С. 14 (вступительная статья Н. С. Гордиенко).

⁵ Корзун, М. С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов, X век – 1917 год. Минск. 1984.

⁶ Зырянов, П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией, 1905-1907 гг. М. 1984. С. 5.

⁷ Curtiss, John. Church and State in Russia: The Last Years of the Empire, 1900-1917. New York. 1972. Walkin, Jacob. The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia: Political and Social Institutions under the Last Three Czars. New York. 1962. Burd, Th. Religion and the Revolution of 1905: an introductory word. // Russian History. 1977. № 2. Kosler, R. Kirche und Revolution in Russland. Kolh. 1969.

концепции и развить в новом направлении ценное наследие советских ученых»⁸ в области истории религии.

Данная работа посвящена историографическому обзору попыток концептуально пересмотреть историю церкви и религии дореволюционной России, предпринятых с 1991-го года, с момента так называемой «архивной революции». Историки уже отметили, что среди возможных исследовательских работ, тема истории религии не вышла на первое место. Относительно других областей исторической науки, ей было уделено мало, или, по крайней мере, недостаточно, внимания.⁹ Этот факт может быть отчасти объяснен тем, что в пост-коммунистических странах на первом месте стоят более политически-настроенные темы.¹⁰ Например, с «приземленной» позиции жизненных нужд, иногда очень сложно получить гранты и финансовую поддержку для изучения тем, на прямую не связанных с политикой или «модными» и «острыми» вопросами.

Несмотря ни на что, количество публикаций, тем или иным образом касающихся истории религии, существенно увеличилось. Кроме таких очевидных факторов, как необходимость изучить ранее незатронутые темы, пересмотреть аналитически устаревшие понятия и в общем пополнить багаж существующих знаний,¹¹ самым главным фактором роста числа публикаций является, несомненно, развал Советского Союза и открытие доступа к ранее засекреченной архивной информации.

Всвязи с ограничениями на объем этой работы, в данном обзоре особое внимание уделено истории религии в царской России с акцентом на вторую половину XIX-го и первые два десятилетия XX-го веков.¹² Научные работы, которые будут рассмотрены, представлены в трех частях. История РПЦ и гендерная история религии составляют первые две части этой работы. Третья часть лишь кратко освещает труды по истории всевозможных религий, существовавших в дореволюционной России.

---

⁸ Shakhnovich, M. The Study of Religion in the Soviet Union. // *Numen*. 1993. № 1. С. 67-81, по цитате из *Science of Religion*. April 2001.

⁹ Tomka, M. The sociology of religion in Eastern and Central Europe: problems of teaching and research after the breakdown of communism. // *Social Compass*. 1994. № 3. С. 379-392.

¹⁰ То же.

¹¹ Количество работ, написанных западными специалистами до 1991 года, тоже, к сожалению, не велико. Freeze, Gregory. *Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-reform*. Princeton. Princeton University Press. 1983. Freeze, Gregory. *The Russian Levities: Parish Clergy in the Eighteenth-Century*. Cambridge. Harvard University Press. 1977.

¹² Для обзора литературы по истории религии в Советском Союзе, обращайтесь к таким работам как Pospelovsky, Dimitry. *The Russian Church Since 1917 Through the Eyes of Post-Soviet Russian Historians*. // *Religion, State & Society* 1998. № 3/4. Журнал *Religion, State & Society* может служить хорошим путеводителем для введения в курс современной историографии на такие темы как история религии в Советском Союзе; РПЦ и религиозная политика Сталина; национализм и религия; ислам, католицизм и прочие религии в СССР; православие и власть; и т.д.

Вкратце, несколько значимых работ пересмотрели позицию РПЦ относительно государственного строя. Западные ученые оспаривали дореволюционное положение РПЦ единственно как придаток власти, как идеологический инструмент в руках самодержавия,¹³ утверждая, что в последние десятилетия старого режима церковь не поддерживала государственный строй и государственную политику в России, а также отдельно взятых царей. Такая ситуация привела к кризису взаимоотношений государства и церкви, ставшего неотъемлемой частью так называемого «кризиса самодержавия». Несмотря на то, что западные ученые высказывали эту теорию и до 1991-го года, только в последние десять-пятнадцать лет она была до конца разработана и изучена.

Ряд других работ по истории РПЦ рассматривали не общую картину, а отдельные взятые аспекты этой истории. Были проведены научные исследования в области народной религиозности и народного восприятия церкви, или так называемого института религии. Эти работы ознаменовали отход от истории церкви как инструмента «высших слоев общества». Также были рассмотрены последствия модернизации и урбанизации для всеобщей религиозности. Были выдвинуты аргументы за и против секуляризации российского общества. Далее, современные историки оспаривали мнение советских ученых, которые утверждали, что двоеверие было основной чертой крестьянской религиозности и что антиклерикализм начал набирать силу среди крестьянства в XVIII, интеллигенции в XIX и пролетариата в XX вв. Была также опробована для русской истории и западная модель идеальной дихотомии в обществах, подверженных процессам секуляризации. Эта модель подразумевает деление общества на религиозную, но отсталую в своем развитии деревню и прогрессивный, но анти-религиозный город. Одним словом, попытки написать историю религии «снизу вверх» привели к созданию более динамичной картины, чем было возможно при использовании ортодоксальной методологии.

Гендерный аспект оказался не менее важен в изучении истории религии. Наконец были затронуты темы положения женщин и детей, патриархата и гендерных отношений. Несмотря на то, что «женские истории» пока встречаются в этой области науки чаще, чем гендерный анализ, все же были заложены основы «разбора» гендера на подсистемы власти и контроля, а также изучения религиозной деятельности как источника социальной свободы для женщин «старого режима». Историки, менее увлеченные теориями пост-модернизма, часто обращались к более традиционным темам. Одной из таких тем стала история различных религиозных общин в России – мусульман, католиков, старообрядцев, евреев, сектантов, и пр. Главным звеном стало рассмотрение истории данных религий в России с точки зрения небольших общин и микроистории, а также в контексте социально-

---

¹³ Можно, например, обратиться к критике работы Ричарда Пайпс (Pipes, Richard. *Russia and the Old Regime*. London. 1974) в Freeze, Gregory. *Handmaiden of the State?*

политических процессов в России. В подавляющем большинстве, авторы таких работ пытались увидеть связь между этническим самосознанием и религией, утверждая, что вне зависимости от контекста и деталей, религия как таковая оставалась наисильнейшей в тех общинах, где она была тесно связана с этническим или национальным самосознанием. Эту связь невозможно отрицать, однако тенденция подчеркивать эту связь привела к одностороннему рассмотрению или даже полной ошибочности понимания религии в отдельных сообществах. Одним из таких примеров, который будет в дальнейшем обсуждаться подробно, является ислам. В заключение следует отметить, что все эти работы объединены общим стремлением изменить и расширить научное понимание истории религии в дореволюционной России.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Несмотря на большой объем публикаций, посвященных истории РПЦ, только их малая часть представляет интерес для серьезного исследователя этого вопроса. Некоторые из современных работ не отошли от устаревших парадигм,¹⁴ в то время как немалое количество других работ было написано в стиле учебников или общих обзоров истории религии.¹⁵ Только малая часть научного потенциала была направлена на разработку новых подходов к изучению истории РПЦ и религии в России.¹⁶

---

¹⁴ Например, Стивен Франк представил РПЦ как «колонизатора», поработавшего крестьянство. Frank, Stephen P. *Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its enemies in Fin-de-Siècle Russia*. // Frank, Stephen P. and Mark Steinberg, ред. *Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia*. Princeton. 1994.

¹⁵ Работа Дмитрия Поспеловского может быть использована как учебник по истории РПЦ (вне зависимости от того, была ли она задумана как таковая). Pospelovsky, Dimitry. *The Orthodox Church in the History of Russia*. NY. St. Vladimir's Seminary Press. 1998. Работа Андреевой тоже может служить кратким обзором истории взаимоотношений власти и РПЦ, а также роли православия в легитимизации российской государственности, хотя следует относиться с осторожностью к «духовным» и эмоциональным комментариям автора. Андреева, Л.А. *Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России*. М. 2001. Наиболее краткий обзор истории РПЦ и ее отношений с государственными органами (длинной всего в несколько страниц) можно найти у Kazemzadeh, Firuz. *Reflections on Church and State in Russian History*. // *Emory International Law Review*. 1998. №1. 12. С. 341-359 (также на вебсайте <<http://www.law.emory.edu/EILR/eilrhome.htm>>).

¹⁶ В последние годы вышло в свет немало интересных с научной точки зрения сборников статей. Некоторые статьи из этих публикаций будут рассмотрены отдельно. Timberlake, Charles E., ред. *Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: Essays in Honor of Donald W. Treadgold*. Seattle, Washington. University of Washington Press. 1992. Kornblatt, Judith Deutsch, and Richard F. Gustafson, ред. *Russian Religious Thought Wisconsin*. 1996. Hosking, Geoffrey, ред. *Church, Nation and State in Russia and Ukraine*. New York. St. Martin's Press. 1991. Magarotto, Luigi, and Daniela Rizzi, ред. *Russkaia dukhovnaia literature: La culture spirituale russa*. Trento. Dipartimento di Storia della Cviltà Europea. 1992. Kivelson, Valerie A., and Robert H. Greene, ред. *Orthodox Russia: Belief and Practice Under the Tsars*. The Pennsylvania State University Press. 2003. Batalden, Stephen K., ред. *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia*.

Ещё в 1985 году Г.Л. Фриз пошатнул устоявшееся мнение о церковно-государственных отношениях в статье «Handmaiden of the State? The Church in Imperial Russia Reconsidered».¹⁷ В этой работе Фриз показал, что даже после петровских реформ, «РПЦ так и не стала - на практике, по закону, в своих самоощущениях – просто министерством религиозных дел»¹⁸ и на деле просуществовала до 1917 года параллельно с государственным аппаратом, а не как его часть.¹⁹ С конца XIX века, и особенно в XXв., интересы РПЦ и государства все больше и больше расходились. Каждое новое вмешательство в церковные дела и каждое вытекающее отсюда унижение церковного самолюбия - «правление» Константина Победоносцева в 1880-1905 гг., манифест 17 апреля 1905г., дарующий свободу вероисповедания, «царствование» Григория Распутина, и т.д. – были лишь новыми шагами в сторону быстрого ухудшения отношений государственной и церковной власти. В результате, «ни в 1905, ни в 1917 годах РПЦ не выступала как основа и защита самодержавия, как того хотел и требовал царский режим».²⁰

В последнее десятилетие Фриз продолжил данную тему. Российское самодержавие всегда считало православие своей опорой, и Фриз открывает свою работу, «Subversive Pity: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia», на этой ноте.²¹ Так как к началу XX века «мирские опоры власти» (политическое положение России на международной арене, благосостояние народа и культ личности царя) более не могли выполнять функции политической легитимизации власти, правительство попыталось «освятить», одухотворить самодержавие путем канонизации нескольких святых, тем самым вызывая к народной набожности.²² Но многочисленные спорные процессы канонизации причинили государственному строю больше вреда, чем пользы. Они показали, что РПЦ высказывала желание функционировать в другой, альтернативной, политической обстановке, в то время как царь проявил свою приверженность к

DeKalb, IL. Northern Illinois University Press. 1993. Особо следует отметить один из выпусков журнала «Отечественные записки», посвященный научному дискурсу на тему взаимоотношений государства и церкви. Несмотря на то, что большинство работ посвящено современному периоду, некоторые статьи освещают также природу традиций православия, а также вопросы законов, касающихся РПЦ в XIX и XX веках.

¹⁷ Freeze, Gregory. Handmaiden of the State? The Church in Imperial Russia Reconsidered. // Journal of Ecclesiastical History. 1985. №36. С. 82-102.

¹⁸ То же. С. 84.

¹⁹ То же. С. 89.

²⁰ То же. С. 101.

²¹ Freeze, Gregory L. “Subversive Pity: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia.” // The Journal of Modern History. 1996. №68. 1. С. 308-350.

²² Nichols, Robert L. The Friends of God: Nicholas II and Alexandra at the Canonization of Serafim of Sarov, July 1903. // Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: Essays in Honor of Donald W. Treadgold. Ред. Charles E. Timberlake. Seattle. University of Washington Press. 1992. С. 206-229.

православию без лишних, по его мнению, ритуалов, но с большой долей мистицизма. Более того, гипертрофированное внимание, уделенное религии, оттолкнуло светскую интеллигенцию и неправославные меньшинства. К всеобщему удивлению, эти события также вызвали бурю негодования и обиды со стороны простого народа. Православное население оспаривало и причины канонизации (тела святых были подвержены процессам разложения, что противоречило народному представлению о посмертной сохранности святых), и обстановку, сопровождавшую эти ритуалы. Наконец, спорные канонизации не оставили равнодушным и консервативное духовенство, которое в процессе подготовки этих событий увидело желание монархии унижить церковь и вмешаться в ее дела. В результате всех этих факторов, РПЦ не желала поддерживать правительство и не выступила, хотя бы посредством работы Синода, в защиту самодержавия в 1917 году. Другими словами, «последние годы царизма были отмечены не только кризисом государственного строя и кризисом в обществе, но и кризисом отношений государства и РПЦ»,²³ который стал одним из предвестников падения самодержавия в 1917 году.²⁴

Тема отхода РПЦ от поддержки государства также является центром работы С. Фирсова «Русская церковь накануне перемен».²⁵ Главная задача Фирсова – разрушить устоявшееся представление о РПЦ в 1900-1917гг. как о консервативном, реакционном и отсталом институте государственного строя. Фирсов утверждает, что РПЦ хорошо осознавала проблемы, которые ставили перед ней индустриализация и урбанизация. РПЦ также искала примерения с радикально антирелигиозной интеллигенцией. Однако кажущиеся близкими взаимоотношения государства и церкви были видимым препятствием на пути достижения этих и многих других целей. Например, после закона о веротерпимости 1905 года, РПЦ начал волновать вопрос сотрудничества староверов с так называемым традиционным православием. Перед лицом этих сложностей, РПЦ стремилась порвать свою связь с самодержавием и особенно подчеркнула это желание, не поддержав государственный строй в 1917г. Конечно, не последнюю роль в этом разрыве сыграли такие личности как Витте, Победоносцев и Распутин, а также желание РПЦ иметь бóльшую независимость от государства и желание созвать Собор для решения основных церковных проблем.

Безусловно, есть множество других тем в истории РПЦ помимо её отношений с самодержавием. Много внимания было уделено тем проблемам, которые ставили перед

---

²³ То же. С. 337.

²⁴ Для дальнейшего обсуждения кризиса государственно-церковных отношений можно обратиться к работе Freeze, Gregory L. *Critical Dynamic of the Russian Revolution: Irreligion or Religion?* Из личного фонда Г. Фриза.

²⁵ Фирсов, С. Л. *Русская церковь накануне перемен*. М. 2002. Также Фирсов, С. Л. *Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России*. М. 1996.

Церковью процессы урбанизации и индустриализации российского общества. «Урбанистический» аспект истории религии едва ли затрагивался в научной литературе²⁶ до тех пор, пока Г. Фриз не опубликовал в 1991 году статью, посвященную «городской миссии» РПЦ в пост-реформенной России.²⁷ В начале XIX века, церковь мало интересовалась своим положением в городских центрах, а в середине XIX века она оказалась просто оторванной от жизни города. Однако в конце XIX века, РПЦ пересмотрела свое отношение к городу. Фриз попытался рассмотреть в своей работе, какими методами РПЦ пыталась наладить отношения с высшим обществом города «в надежде найти союзника для распространения своего влияния среди простого народа и для противостояния царю».²⁸ Различные факторы способствовали тому, что РПЦ обратилась к городу, включая развитие «мирской» теологии (осознание необходимости затронуть каждодневные жизненные вопросы); осознание упадка влияния церкви в городских центрах; желание РПЦ вернуться к принципу соборности (большого участия мирян в жизни города); и, наконец, возрождение интереса к духовному в среде интеллигенции, которая начала отходить от своих предыдущих принципов «чистого материализма». Однако «городская миссия» оказалась неудачной. Главным образом эта неудача была связана с резкой переориентацией сил РПЦ на разрешение религиозного кризиса в деревне. РПЦ выбрала борьбу за сохранение своего влияния в деревне и отказалась от самоотверженной отдачи сил делу обращение уже утраченного для религии города. Были и другие причины, повлиявшие на провал миссии, такие как супраклассовая идеология РПЦ (идея о существовании церкви вне класса), особое положение духовенства как отдельного сословия, хаос в городских приходах и, в некоторой степени, действия самих священнослужителей и всевозможных бюрократов. Одним словом, эта работа заложила базу для исследований проблем РПЦ в городских центрах, даже несмотря на то, что после прочтения этой статьи остается желание получить больше информации о конкретных действиях РПЦ во время «городской миссии».

---

²⁶ Эпизодические упоминания о церкви в городских центрах можно найти в следующих работах: Curtis, John S. *Church and State in Russia: The Last Years of the Empire, 1900-1917*. New York. 1940. Simon, Gerhard. *The Russian Orthodox Church and the Social Question in Russia before 1917*. Finland. 1988. Geekie, J.M.H. *The Church and Politics in Russia, 1905-1917: A Study of the Political Behavior of the Russian Orthodox Clergy in the Reign of Nicolas II*. Докторская диссертация. University of East Anglia. 1976.

²⁷ Freeze, Gregory. 'Going to the Intelligentsia': The Church and its Urban Mission in Post-Reform Russia. // Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow and James L. West, ред. *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, NJ. Princeton University Press. 1991. С. 215-32.

²⁸ То же. С. 224

«Городскую» тему продолжил С. Диксон,²⁹ который предложил новый взгляд на положение РПЦ в императорском Санкт-Петербурге с точки зрения «индивидуума».³⁰ Позиция РПЦ в городе в начале XX-го века была неустойчивой, и С-Петербург не был исключением. Несмотря на то, что некоторые условия жизни в городе способствовали положению РПЦ (например тем, что рабочие мечтали о вмешательстве святых в свою тяжелую жизнь), то большинство факторов все же усложняло его (такие как растущий уровень грамотности и доступность альтернативных форм отдыха и развлечений). Главными препятствиями были, несомненно, такие факторы, как социальная изоляция духовенства, недостаточное количество приходов и уровень миграции населения. Положение духовенства как отдельного сословия не позволяло ему сблизиться ни с рабочими, ни с интеллигенцией. Малое количество приходов было всеобщей европейской проблемой, распространившейся даже в Западной Европе. Наконец, С-Петербург был городом миграции, городом бесконечных потоков людей из одного города в другой и из деревни в город. Такой массовый людской поток не способствовал установлению тесных отношений между священником и его приходом, но поощрял нормы поведения, идущие вразрез с заповедями церкви.

В то время как Диксон анализирует факты, способствующие снижению авторитета РПЦ в городских центрах, К.П. Херрлингер в своей диссертации рассматривает аспекты городской жизни, которые могут говорить о сохранении и процветании православия в рабочей среде.³¹ Она не отрицает, что жизнь фабричных рабочих в городе накладывала негативный отпечаток на представление о духовном и религиозном среди рабочих и

---

²⁹ Dixon, Simon. *The Orthodox Church and the Workers of St. Petersburg, 1880-1914.* // Hugh McLeod, ред. *European Religion in the Age of Great Cities, 1830-1930.* New York. 1995. С. 119-145.

³⁰ Также важно упомянуть следующие работы: Zelnik, Reginald E. *To the unaccustomed eye: religion and irreligion in the experience of St. Petersburg workers in the 1870s.* // Robert P. Hughes and Irina Paperno, ред. *Christianity and the Eastern Slavs, vol. II: Russian Culture in Modern Times.* California Slavic Studies, vol. XVII. Berkeley, CA. 1994. С. 49-82; Firsov, Sergei L. *Workers and the Orthodox Church in Early 20th Century Russia.* // Michael Melancon and Alice K. Pate, ред. *New Labor History: Worker Identity and Experience in Russia, 1840-1918.* Slavica Publishers. 2002. Отдельно следует отметить работу Rosenthal, Bernice Glatzer. *The Search for a Russian Orthodox Work Ethic.* // Edith W. Clowes and Samuel D. Kassow, ред. *Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia.* Princeton University Press. 1991. Розенталь рассматривает аргумент Вебера о том, что переходу от феодализма к капитализму способствовала так называемая «протестантская этика», которая нашла религиозное оправдание накоплению капитала, а также приветствовала такие личные качества как усердие, дисциплина и воздержание. В последние десятилетия старого режима, такие личности как Петр Струве, Николай Бердяев, Симеон Франк и Сергей Булгаков пытались создать аналогичную систему этики, но с учетом сугубо русских особенностей. Розенталь анализирует эти попытки и уделяет особое внимание работам Булгакова. Все эти мыслители были изгнаны из России после прихода Советской власти, и их попытки не принесли каких-либо результатов даже несмотря на то, что они могли бы быть использованны большевиками и не противоречили основным заповедям большевизма. Только лишь ограниченная роль, которую сыграли эти люди, стала причиной, по которой эта работа не рассматривается в основном обсуждении историографии.

ограничивала возможность и желание исполнять многие из традиционных обрядов православия. В данном смысле, РПЦ сталкивалась с такими же проблемами, как и все западноевропейские церкви того времени. Однако РПЦ предпринимала попытки вернуть в своё лоно трудящиеся массы, и эти попытки не всегда были безрезультатными. Не церковные обряды, а внутренняя религиозность продолжала процветать среди рабочих в большей степени, чем это признавалось ранее многими историками. Несмотря на то, что детальный обзор этой работы станет возможным только после её опубликования, исследования Херрлингер однозначно подрывают устоявшиеся представления об антирелигиозном настрое рабочих масс.

Марк Стейнберг приходит к аналогичному, хотя и не параллельному, выводу в статье «Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910-1924».³² Стейнберг с первых страниц дает читателю понять, что положение РПЦ в городе не является предметом его исследований. Он ищет не признаки религиозности в рабочей среде, а устойчивую приверженность к религиозным образам, символам и языку. Например, поэты-рабочие активно использовали религиозные образы в своих стихах, хотя эти стихи часто имели и не религиозную символику. Однако важным является тот факт, что «рабочие-писатели использовали такие образы как распятие и воскресение не как пустые метафоры или устоявшиеся атрибуты религии, а как образы, насыщенные эмоциональной сутью и значением».³³ Эти образы затрагивали души рабочих как нечто, знакомое им с детства и отражающее их внутреннее жизнеощущение. Таким образом, религиозная лексика, если даже и не сама религия, продолжала занимать важное место в жизни рабочих.

Тогда как некоторые ученые изучали урбанистический аспект религии, то другая «фракция» историков обращалась к проблемам народной набожности и религии в деревне.³⁴ Так, Крис Чулос заинтересован в «раскодировании» народной религиозности

---

³¹ Herrlinger, K. Page. Class, Piety, and Politics: Workers, Orthodoxy, and the Problem of Religious Identity in Russia, 1881-1914. PhD Dissertation. University of California, Berkeley. 1996. Херрлингер представляла свою работу на различных научных конференциях, например “Unorthodox Orthodoxy: Popular Religious Protest Against the Church in St. Petersburg, 1905-17,” AAASS meeting, 1999.

³² Steinberg, Mark D. Workers on the Cross: Religious Imagination in the Writings of Russian Workers, 1910-1924. // Russian Review. 53. 2. 1994. С. 213-239. Также следует обратить внимание на работу М. Стейнберг Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910-1925. Ithaca. 2002.

³³ Ещ же. С. 237.

³⁴ Также следует отметить такие работы как: Worobec, Christine. Death Ritual among Russian and Ukrainian Peasants. // Stephen Frank and Mark Steinberg, ред. Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton. 1994; Burds, Jeffrey. Peasant Dreams and Market Politics. Pittsburgh. 1998.; McKee, W. Arthur. Sobering Up the Soul of the People: The Politics of Popular Temperance in Late Imperial Russia. // Russian Review. №58. 1. 1999. С. 212-33.; Буганов, А.В. Русская история в памяти крестьян и народное самосознание. М. 1992.; Frierson, Cathy A. Peasant Icons: Representations of Rural People in Late Nineteenth-Century Russia. New York. 1993.

нежели в отношениях между церковью и государством.³⁵ Чулос утверждает, что традиционно историки интересовались четырьмя аспектами крестьянской религиозности: благочестие, невежество, двоеверие и сектанство. Многие традиционные элементы православного благочестия («посещение церкви, пилигримство к святым местам, интерес к религиозным святыням, интерес к религиозным писаниям, соблюдение постов, правильное поведение и украшение дома иконами и другими религиозными объектами»³⁶) продолжали активно присутствовать в жизни крестьян, подтверждая их приверженность визуальной атрибутике религии. В то же время, историки утверждали, что крестьяне обладали очень ограниченными знаниями в области религиозных заповедей и следовали религиозным ритуалам «бессмысленно» в связи со своей общей «отсталостью» и «темнотой». Историки также указывали на факт существования двоеверия, его различные манифестации, и крестьянские посягательства на «чистую» религию, вытекающие из приверженности крестьян своим старым суевериям. Некоторые историки обращали внимание на существование старообрядчества и сектанства среди крестьян, особенно в контексте частых выпадов РПЦ против этих сект как угрожающих положению Церкви и стабильности государственного строя.

Однако, изучение вышеуказанных четырех тем и применение дихотомии язычество/православие к народной религии способствовало усилению стереотипа «другого» («other») и «отсталого» по отношению к крестьянину и не позволяло увидеть религию масс «снизу вверх» и «изнутри». Нужно понимать, утверждает Чулос, что для крестьян элементы, которые историки ассоциируют с язычеством, были неотъемлемой частью их представления об ортодоксальном православии и что крестьяне «были не способны видеть себя в свете, отличном от традиционного православия».³⁷ Различия между языческими и православными ритуалами и повериями были несущественными для простого люда, для которого все эти образы были лишь способом сохранения традиционной деревенской общины и инструментом, позволяющим объяснить окружающий мир парадигмами «добрый-злой», «святой-богохульный». Более того, соединение православных и языческих элементов привело к огромной диверсификации религии и её возможных сочетаний, показывая тем самым, что обобщенные представления о народной религии просто не возможны, а также что такая форма религии

---

³⁵ Chulos, Chris. Myths of the Pious or Pagan Peasant. // Russian History/ Histoire Russe. №22. 2. 1995. С. 181-216. Эта работа основана на диссертации Чулоса "Peasant Religion in Post-Emancipation Russia: Voronezh Province, 1880-1938", 2 vols. University of Chicago. 1994. Эта диссертация была опубликована как Chulos, Chris. Converging Worlds: Religion and Community in Peasant Russia, 1861-1917. Northern Illinois University Press. 2003.

³⁶ То же. С. 187.

³⁷ То же. С. 207.

позволяла адаптировать её к определенным ситуациям с бесконечными вариациями. Факт восприятия двух религий как единой и её одновременная способность к адаптации объясняет, почему крестьянство сохраняло свою приверженность к языческим корням и не практиковало «чистое» православие.

Гленнис Янг выбрала более политически заряженный подход к изучению народной религии в «Power and the Sacred in Revolutionary Russia».³⁸ Янг рассмотрела первое десятилетие советской власти и пришла к выводу, что религия оставалась ключевым элементом в социальном самосознании крестьянина, особенно во время «распределения» деревенской (неофициальной) власти. В данном обзоре, нас интересует только первая глава её книги, посвященная дореволюционному десятилетию. Янг утверждает, что «задолго до того, как большевики обратились к использованию православия для достижения своих политических целей, крестьяне России уже оспаривали роль религии как культурной поддержки деревенской власти, а также государственного политического строя, который она поддерживала».³⁹ Этот вывод еще раз подчеркивает устоявшийся стереотип о близких отношениях между церковью и государством.

В. Шевцова рассматривает нетрадиционный аспект народной религиозности, ранее не затронутый историками, а именно историю и значение часовни. Ещё в своей диссертации Шевцова пришла к выводу, что крестьяне проявляли искренний интерес к учениям церкви и религиозным писаниям. Этот факт уже сам по себе говорит о центральной роли религии в жизни крестьянства.⁴⁰ В статье «Chapels and the Ecclesial World of Prerevolutionary Russian Peasants»⁴¹ Шевцова продолжает эту тему, изучая часовню, существующую для регулярных молитв без обязательного присутствия духовенства, как индикатор народной религиозности.⁴² Часовня часто заменяла крестьянам церковь, особенно если обыкновенная церковь была недоступна из-за расстояния или плохой погоды. Строя часовни, крестьяне тем самым выражали желание поддерживать связь и оставаться частью так называемой всеобщей православной общины. Часовни также строились в честь значительных событий в жизни деревни, таких как

---

³⁸ Young, Glennys. *Power and the Sacred in Revolutionary Russia: Religious Activists in the Village*. Pennsylvania State University Press. 1997. Также следует обратить внимание на Young, Glennys. *Trading Icons: Clergy, Laity, and Rural Cooperatives, 1921-28*. // *Canadian-American Slavic Studies (Revue canadienne-americaine d'etudes slaves)*. №26. 1992. С. 315-334.

³⁹ То же. С. 48.

⁴⁰ Shevzov, Vera. *Popular Orthodoxy in Late Imperial Russia*. Ph.D. Dissertation. Yale University. 1994.

⁴¹ Shevzov, Vera. *Chapels and the Ecclesial World of Prerevolutionary Russian Peasants*. // *Slavic Review*. №55. 3. 1996. Также следует обратить внимание на Shevzov, Vera. *Miracle Working Icons, Laity, and Authority in the Russian Orthodox Church, 1861-1917*. // *Russian Review*. January 1999. С. 26-48; *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*, (forthcoming).

⁴² То же. С. 587

природные катаклизмы или личные клятвы отдельных верующих, или в жизни страны, включая всевозможные политические события и важные даты в жизни царской семьи. Часовни таким образом являлись святыми историческими памятниками, сохраняющими общность семьи и деревни и позволяющие сохранить связь с богом и церковью в отдельно взятой деревне. Если РПЦ и казалось, что часовня отделяет крестьян от «настоящей» церкви и прихода, то на самом деле часовня показывала приверженность крестьян РПЦ и религиозной общине. К сожалению, церковные чины не смогли распознать главное назначение часовни, твердо веря, что всё, несвязанное с церковью напрямую, подрывало её авторитет. Они не поняли, что эти часовни являются сердцем народной религиозности и подчеркивают православное самосознание народа. Если бы иерархи церкви это поняли, то судьба РПЦ при советской власти могла бы быть совсем другой.

Главная заслуга Шевцовой, однако, в том, что она попыталась рассмотреть внутреннюю народную религиозность, а не приверженность атрибутам религии. В последнее десятилетие историки уже пришли к соглашению, что посещаемость церкви крестьянами в конце XIX-начале XXвв в России была очень высокой в отличие от падающего интереса к церкви среди масс Западной Европы.⁴³ Было достигнуто понимание и в том, что отношения между РПЦ и царским режимом были очень проблематичными и резко ухудшались с каждым годом. Однако работы вышеупомянутых исследователей показывают, что пока не существует единого мнения о сохранении веры и религиозности в рабочей среде.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ЖЕНЩИНЫ, РЕЛИГИЯ И ГЕНДЕР

После выхода в свет работы Джоан Скотт «Gender: A Useful Category of Historical Analysis»⁴⁴ стало невозможным игнорировать тему гендера в любой исторической проблеме, также как и простое упоминание этого труда превратилось в рабочее клише в обсуждение гендерного вопроса. Несмотря на то, что некоторые историки уже попытались использовать гендер как критерий исторического анализа (как правило рассматривая «женское измерение» религии), понятие о гендере пришло в Россию и в русскую историю намного позже, чем в историю Западной Европы, и изучение взаимосвязи гендера и религии всё еще находится в зачаточной стадии. Большинство работ, написанных на

---

⁴³ К сожалению, очень мало научных работ посвящено теме истории религии в XVII и XVIII веках, а также в начале XIX века. Даже тема великих реформ мало интересовала историков. Попытку пересмотреть так называемые великие реформы предпринял С. Б. Римский. В этой работе особенно интересно освещены темы православия в Прибалтике и среди казаков. Римский, С. Б. Российская Церковь в эпоху великих реформ: Церковные реформы в России 1860-1870-х годов. М. 1999.

⁴⁴ Scott, Joan Wallach. Gender: A Useful Category of Historical Analysis. // Gender and the Politics of History. New York. Columbia University Press. Любое издание. Для дальнейшего обсуждения гендерной теории можно обратиться к следующей работе: Scott, Joan Wallach. Ред. Feminism and History. Oxford University Press. 1996.

данный момент, являются «женскими историями», а не анализом построения гендера и системы власти и контроля посредством гендера. Такие работы, как правило, описывают жизнь замечательных женщин с позиции дихотомии мужского и женского.⁴⁵ Даже если эти истории бывает интересно читать, они не удовлетворяют интерес серьезного ученого и не рассматривают, например, усиление системы патриархата посредством церковного языка или создание системы женской независимости в сфере религиозных дел.⁴⁶

Некоторые историки, однако, смогли успешно использовать такие категории как гендер, брак и семья в изучении религии, предоставив научному миру труды, интересные как с импирической, так и с аналитической точек зрения. Одной из первых попыток написать историю отношений власти в системе религии через призму гендера⁴⁷ стала работа Г. Фриза «Bringing Order to the Russian Family».⁴⁸ Несмотря на то, что эта работа

---

⁴⁵ Примером таких работ является Pushkareva, Natalia. *Women in Russian History: From the Tenth to the Twentieth Century*. New York. 1997. Эта работа представлена как «первый серьезный обзор истории русских женщин на любом языке; эта книга сама по себе является историческим событием». Однако в этой работе очень много недостатков. Кроме фактических ошибок, которыми изобилует этот труд и которые искажают роль той или иной женщины в истории, эта работа посвящена Великим женщинам в русской истории и совсем не представляет историю Женщины в России. Остается только надеяться, что последующие труды не пойдут по стопам этой работы.

⁴⁶ Конечно, это совсем не значит, что написание «женских историй» не представляет ценности для исторической науки. Для примера великолепного труда, можно обратиться к Madariaga, Isabel de. *Catherine as Woman and Ruler*. // James Cracraft, ред. *Major Problems in the History of Imperial Russia*. Lexington, MA. 1994.

⁴⁷ Следует отдельно отметить раннюю работу Balzer, Marjorie Mandelstam. *Russian Traditional Culture: Religion, Gender, and Customary Law*. Armonk, NY. 1992. На Западе, первая серьезная попытка включить Женщину в историю России была предпринята в публикации *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* (Berkeley, CA: University of California Press. 1991) под общей редакцией таких знаменитых историков как Барбара Энгел, Барбара Клементс и Кристина Воробек. Этот сборник статей неоднократно затрагивает вопросы народной и официальной религии. Например, Ева Левин обсуждает отношение РПЦ к деторождению в допетровской России. Представляют интерес и следующие работы: Ransel, David. *The Family In Imperial Russia: New Lines Of Historical Research*. Urbana: University of Illinois Press. 1978; Wiggzell, Faith. *Reading the Future: Women and Fortune-Telling in Russia (1770-1840)*. // *Gender and Russian Literature: New Perspectives*, ред. Marsh, Rosalind J. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. Boniece, Sally A. *The Spiridonova Case, 1906: Terror, Myth, and Martyrdom*. // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. №4. 3. 2003, рассматривает историю «девы Марии» революционного терроризма и героический миф, её окружавший. История Спиридоновой важна как пример того, что религиозная терминология служила связующим звеном для всех классов даже в вопросах политики. Важны также и некоторые работы, посвященные истории религии в России до 1613 года: Thyret, Isolde. 'Blessed is the Tsaritsa's Womb': The Myth of Miraculous Birth and Royal Motherhood in Muscovite Russia. // *Russian Review*. №53. 4. 1994. С. 479-96.; *Muscovite Miracle Stories as Sources for Gender-specific Religious Experience*. // *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine*. Ред. Samuel H. Baron and Nancy Shields Kollmann. DeKalb: Northern Illinois University Press. 1997. С. 115-131.; *Between God and the Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovy*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press. 2001.

⁴⁸ Freeze, Gregory. *Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760-1860*. // *The Journal of Modern History*. 62. 4. 1990. С. 709-746. Freeze, Gregory. *Profane Narratives and a Holy*

вышла в свет до 1991 года (рамки нашего обзора), она заложила основы изучения религиозной истории России с точки зрения взаимосвязи церкви и общества и с точки зрения использования дискурса семьи и гендера как способ укрепления власти.⁴⁹ До петровских реформ, практика разводов оставалась в руках мирян, так как РПЦ не имела эффективных способов контроля над традициями и практикой брака и семьи среди населения. Однако начиная с конца XVIII века и весь XIX век, контроль РПЦ над вопросами развода прогрессивно увеличивался, и РПЦ начала активно внедрять доктрины нерасторжимости брака. В результате стало почти невозможным получить развод или аннуляцию, за исключением таких редких случаев как сибирская ссылка супруга. По словам Фриза, «результатом [этого ужесточения контроля] стала брачная система такой строгости, которая была неизвестна в других частях Европы».⁵⁰ Эти регрессивные изменения были важны по двум причинам. Во-первых, практика разводов показала, что после петровских реформ власть РПЦ над народом увеличилась, а не уменьшилась, как это утверждали традиционные труды по истории петровских реформ. Новая, более функциональная бюрократическая система, новое законодательство и новые способы документации и учета привели к такому усилению контроля.⁵¹ Во-вторых, РПЦ ужесточила свой контроль над семейными нормами в то время, как социальное самосознание народа резко менялось под влиянием процессов индустриализации и общей модернизации. Интеллигенция, а за ней и все слои общества, отвергли столь жесткие нормы контроля над институтом семьи и брака. Таким образом, действия РПЦ оттолкнули от неё народ, способствовали обращению православных к альтернативным религиозным направлениям (протестантизм, старообрядство, и т.д.) и придали новый импульс секуляризации, которая наметилась в XIX веке и стала очевидной к концу «старого режима» в России.

В то время как Фриз использует вопросы семьи для изучения общих проблем положения церкви, многие работы обращаются к «женским вопросам» религии более прямолинейно. Некоторые из этих работ взяли за основу выводы, сделанные историками в результате анализа западноевропейской истории религии. Благотворительная деятельность в контексте религиозности, доступная в основном женщинам более состоятельным, рассматривалась как арена социальной автономии и влияния для женщин,

---

Sacrament: Marriage and Divorce in Late Imperial Russia. Forthcoming in Sacred Narratives.

⁴⁹ Эта работа поднимает вопрос о том, была ли так называемая «архивная революция» настолько важна для изучения истории России как для изучения истории Советского Союза. Фриз утверждает, что он регулярно получал доступ к архивной информации по вопросам истории религии и до 1991.

⁵⁰ То же. С. 711.

⁵¹ Для дальнейшей критики традиционной литературы, можно обратиться к Freeze, Gregory. *Handmaiden of the State? The Church in Imperial Russia Reconsidered.* // *Journal of Ecclesiastical History.* №36. 1985. С. 82-102.

а также как источник социального общения. Увеличивающаяся «феминизация» религии измерялась увеличением количества женских религиозных общин (монастырей). Церковная и религиозная деятельность в общем рассматривалась как возможность независимого самовыражения для женщин непривилегированных слоев общества с политической и социальной точек зрения.

Тему религиозного призвания рассмотрела в своей работе Бренда Михан. Работа Михан «Святые женщины» («Holy Women»)⁵² имеет все атрибуты простой «женской истории». Жизнь пяти женщин – глубоко религиозных, благочестивых и занятых жизнью в монастыре – рассматривается с тонким пониманием той социально-политической атмосферы, в которой этим женщинам приходилось существовать, и с чутким вниманием к их духовному миру и их религиозным уверованиям. Но несмотря на формат, эта работа вышла за рамки простого жизнеописания; она подчеркнула и проанализировала женский монастицизм второй половины XIX века и женщин, которые имели к нему отношение. Конечно, идея такого подхода не принадлежит Михан, и её выводы об увеличении интереса к святым приходом среди женщин не противоречат выводам, сделанным историками женского монастицизма в Англии и Франции.⁵³ Однако, Михан пошла дальше в своем анализе и показала, что модель трансформации личности путем сестринского обета позволила женщинам проявить черты характера, которые обычно приписывали мужчинам (решимость, властность, ответственность), и тем самым дала женщинам новую нишу для существования в сугубо патриархальном обществе. Монастырь наделил жизнь Женщины смыслом помимо семьи и позволил ей занимать позиции власти, недоступные ей ни в одной другой социальной или политической сфере.

Работа Михан так же показывает власть, которой обладало православие над населением России в XIX веке. Приверженность православию отражалась не столько в поступках этих «святых женщин» (их для этого было очень мало), сколько в

---

⁵² Meehan, Brenda. *Holy Women of Russia*. San Francisco. 1993. Отдельные главы этой работы были опубликованы ранее: *To Save Oneself: Russian Peasant Women and the Development of Religious Communities in Pre-Revolutionary Russia*. // *Russian Peasant Women*. Beatrice Farnsworth and Lynne Viola, ред. New York, 1992. С. 121-33; *The Authority of Holiness: Women Ascetics and Spiritual Elders in Nineteenth-Century Russia*. // *Church, Nation and State in Russia and Ukraine*. Geoffrey Hosking, ред. New York. 1991. Прочие работы Михан включают: *Wisdom/Sophia, Russian Identity and Western Feminist Theology*. // *Cross Currents*. №46. 1996. С. 149-168; *Popular Piety, Local Initiative, and the Founding of Women's Religious Communities in Russia, 1764-1917*. // *St. Vladimir's Theological Quarterly*. №30. 2. 1986. С. 117-41; *Russian Converts and the Secularization of Monastic Property*. // *Russia and the World in the Eighteenth Century*. R. P. Bartlett, A. G. Cross, and Karen Rasmussen, ред. Columbus, OH. 1988. С. 112-24.

⁵³ Например, Langlois, Claude. *Le Catholicisme au Feminin: Les congrégations francaises à supérieure générale au XIX siècle*. Paris. 1994; O'Brien, Susan. *Terra Incognita: The Nun in Nineteenth-Century England*. // *Past and Present*. №121. 1998. С. 110-40; Anderson, Margaret Lavinia. *Piety and Politics: Recent Work on German Catholicism*. // *The Journal of Modern History*. №63. 4. 1991. С. 681-716.

общенародном признании традиций святых и юродивых и в желании народа объяснить «ненормальное» поведение как признак святости и набожности нежеле как признак порчи и колдовства. Поступки этих женщин воспринимались как сугубо религиозные только потому, что общество в своей массе признавало и поддерживало концепции набожности, святости и благочестия. Но несмотря на общепризнанность этих доктрин, гендерные роли накладывали свой отпечаток на жизнь этих и других женщин. Общество видело призвание женщины в семье и деторождении, а не в религиозных делах. В результате такого восприятия, для большинства женщин монастицизм и всепоглощающая религиозность становились возможными только в середине жизни, а не в её начале, обычно после смерти мужа, ребенка или престарелых родителей. В то время как общество уважало традиции набожности среди женщин, оно могло позволить проявление всепоглощающей религиозности только у женщин, которые выполнили свой супружеский и материнский долг.

Михан также является одним из первых историков, которые привнесли концепцию «переменных» (класс, образование, возраст, и т.д.) в изучение религии. Например, женщинам высшего света была доступна особая форма религиозности ещё в браке в виде всевозможных пожертвований. После смерти мужа, они также имели возможность задуматься об основании своих собственных монастырей. Даже вера в «внеклассовую» добродетельность, щедрость и милосердие не помогала бедным женщинам перешагнуть через барьер финансовых ограничений. Для женщин, ищущих «высшее» и «духовное» в жизни, разница возраста, класса и образования могла быть преодолена только в уже существующих женских общинах, которые помогали заполнить этот разрыв и тем самым осуществляли роль более важную, чем просто помощь неимущим.⁵⁴

Не только «святые», но и просто набожные женщины могли почерпнуть социальные силы в религии. В своем микроисторическом анализе,⁵⁵ Г. Маркер анализирует воспоминания и дневники Анны Лабзиной, женщины дворянского происхождения конца XVIII и начала XIX веков, с целью проследить процесс создания так называемой «женской общественной сферы» в рамках религии.⁵⁶ Маркер посмотрел на воспоминания Лабзиной с точки зрения Просвещения и «превалирующего

---

⁵⁴ Meehan-Waters, Brenda. Metropolitan Filaret (Drozdov) and the Reform of Russian Women's Monastic Communities. // Russian Review. №50. 3. 1991. С. 310-323.

⁵⁵ Marker, Gary. The Enlightenment of Anna Labzina: Gender, Faith, and Public Life in Catherinian and Alexandrian Russia. // Slavic Review. №59. 2. 2000. С. 369-390.

⁵⁶ Понятие «общественной сферы» используется здесь в том смысле, который вкладывал в этот термин Юрген Хабермас.

противопоставления мужского и женского, общественного и частного, свободы и дисциплины, и, наиболее важно, веры и разума, основного принципа Просвещения».⁵⁷

Казалось бы, Лабзина описывает лишь свою частную жизнь. Она, например, подробно описывает своего первого мужа, человека просвещенного, образованного, так сказать «западного», но деспота и извращенца в кругу семьи. Однако Маркер приходит к выводу, что воспоминания Лабзиной написаны в лучших традициях жития святых и что они не являются чистой, неискаженной правдой.⁵⁸ Осуждая «просвещенного» мужа, Лабзина пыталась найти свое место в жизни, и для неё естественное противопоставление «эгоистичному» и «злому» было «набожное» и «саможертвующее». Просвещение пропагандировало большую свободу личности, и несмотря на то, что Лабзина внешне отрицала достижения и идеологию Просвещения, она в тоже время подсознательно впитала его идеи и предприняла попытку обогатить свою роль в жизни путем написания мемуаров в стиле жития святых. Она не хотела просто подавать милостыню; она хотела выступать в более значимой роли заступницы, борющейся за права неимущих.⁵⁹ Она приняла на себя женскую роль «посредника от Бога во имя нуждающихся» в общении со своим властным, и в чем-то всемогущим, мужем. Для Лабзиной, такая роль стала в своем роде формой социальной независимости, в которой она нашла свою нишу, свой «третий социальный круг – веру, - отличный от гражданского и семейного, в котором патриархат был вынужден уступить перед лицом Бога и в котором «женское» приобрело новый смысл и силу».⁶⁰ До написания этой работы, историки редко усматривали какую-либо взаимосвязь между заступничеством за бедных и историей религии и ролью женщины в ней. Но та гендерная сила, та независимость, которую искала и нашла Лабзина, стала возможна только в контексте Просвещения и только после того, как Лабзина смогла придать религиозный оттенок своему поиску независимости. Даже если пример Лабзиной не является типичным, возможность того, что духовное может «освободить и обогащать роль женщины в делах мирских»,⁶¹ должна внимательно рассматриваться в трудах по истории религии и женской религиозности в XVIII-XIX веках.

Маркер был не единственным, кто использовал идею религиозного самопожертвования как форму социального освобождения. Адель Линденмэйр в работе «Poverty is not a Vice», опираясь на труды Натали Земон Дэвис, Линды Гордон и Гертруды

---

⁵⁷ Маркер. С. 371.

⁵⁸ Маркер признает заслуги своего предшественника, Барбары Хелдт, в этом типе исторического анализа. Heldt, Barbara. *Terrible Perfection: Women and Russian Literature*. Bloomington. 1992.

⁵⁹ Marker, 384.

⁶⁰ То же. С. 386.

⁶¹ То же. С. 387.

Гиммелфар,⁶² изучает политическое и социальное значение официального и религиозного дискурса нищеты и благотворительности в царской России.⁶³ Линденмэйр показывает, что РПЦ традиционно воспринимала нищих как «наместников Бога», чье состояние было отражением личного несчастья нежели результатом их лени и нежелания работать. Как говорится, «от сумы и от тюрьмы не зарекайся». Благотворительность в таком случае рассматривалась как символ, наполненный религиозным смыслом, как символ личного контакта с людьми, «отмеченными» Богом. Однако в конце XIX–начале XX веков государство и некоторые представители образованной интеллигенции попытались изменить такой религиозный настрой, утверждая, что нищим может помочь только подходящая работа, а не благотворительность. Несмотря на то, что государство не смогло создать эффективно функционирующую систему социальной защиты, очень важным является тот факт, что женщины видели в благотворительности единственную открытую для них сферу деятельности, в которой их действия не только не осуждались, но и поощрялись. Исходя из этого, женщины естественным образом встали на сторону благотворительности и отрицали вмешательство государства в дела нищеты.

Совсем другой подход к изучению «женского измерения» религии выбрала Кристин Воробек в работе «*Possessed: Women, Witches, and Demons in Imperial Russia*».⁶⁴ Воробек изучает феномен кликушества, впервые упомянутый в летописях XI века, но получивший распространение начиная с XVI века. Внешние признаки кликушества напоминали одержимость демоном, наблюдавшуюся в Западной Европе, а именно ненормальное поведение на публике, сопровождающееся криками, корченьем, видимыми мучениями и прочими народными признаками одержимости. В этих случаях «ведьмы», напустившие порчу, часто страдали от рук мстящих родственников и соседей. Как можно догадаться, большинство участников этого зрелища – одержимые, ведьмы, наблюдатели – были женщины. Однако Воробек не просто описывает этот «женский» феномен. Она анализирует сохранение двоеверия в деревнях и то, как оно было использовано государством, интеллигенцией и РПЦ для создания и поддержания образа «темного» и «примитивного» крестьянства, особенно относительно крестьянских женщин. РПЦ пыталась избавиться от таких проявлений двоеверия ещё со времен Петра I, но однако она достигла малых результатов в этом вопросе. Распространение идей Просвещения и науки

---

⁶² Например: Himmelfarb, Gertrude. *The Idea of Poverty: England in Early Industrial Age*. New York. 1984. Himmelfarb, Gertrude. *Poverty and Compassion: The Moral Imagination of the Late Victorians*. New York. 1991. Gordon, Linda. *Pitied but Not Entitled: Single Mothers and the History of Welfare*. New York. 1994.

⁶³ Lindenmeyr, Adele. *Poverty Is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1996.

⁶⁴ Worobec, Christine D. *Possessed: Women, Witches, and Demons in Imperial Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press. 2001.

придало новый импульс борьбе за искоренение двоеверия. Но «просвещенные» и рациональные этнографы, ученые и даже духовенство не видели в кликушестве ничего, кроме признаков отсталости российского крестьянства. В результате этого, кликушество в конце XIX-начале XX веков стало символом «крестьянства настолько темного, отсталого, примитивного и агрессивного, что оно было способно разрушить всё прогрессивное и западное, что существовало в России».⁶⁵

Итак, подводя итоги нашего краткого обсуждения гендерной истории, можно сказать, что вышеупомянутые работы заложили основу изучения истории религии с гендерной точки зрения. Но развитие гендерной теории ещё не приобрело должного размаха, и многие темы пока ещё остаются незатронутыми. Например, было бы любопытно увидеть ответы на такие вопросы как: какой эффект оказывало присутствие женатых служителей церкви на гендерные роли в России по сравнению с католическими странами? Способствовало ли это сохранению интереса к религии среди мужчин? Снизило ли это переживания мужчин (встречающиеся в других странах) по поводу власти, которую имело духовенство над их женами? Какое влияние оказывали жены попов на социальное, психологическое и религиозное состояние общины? Были ли эти жены моделью идеальной женщины или её антитезисом? Эти и прочие вопросы также позволили бы начать обсуждение «мужского» (masculinity) в контексте религии. Неизбежно, некоторые из этих вопросов останутся нераскрытыми в связи с отсутствием достаточных источников для изучения данных тем. Но это не должно останавливать историков от изучения гендера в контексте истории религии.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: РЕЛИГИИ РОССИИ

Как верно заметила Вера Шевцова в своей работе о русском крестьянстве, тенденция рассматривать РПЦ как «инородное, насажденное» тело на русский народ «привела, помимо всего прочего, к желанию среди историков найти более подлинное проявление народной религиозности, в результате чего староверы и сектанты изучались более подробно, нежели приверженцы официального православия».⁶⁶ Это утверждение может использоваться с одинаковой уверенностью относительно работ, написанных как до, так и после 1991 года. Конечно, есть и другие объяснения популярности этой темы. Для советских историков, например, изучение «религиозных революционеров» было единственной нишей более или менее свободной работы над религиозными темами. Для зарубежных историков, темы отдельных религиозных общин всегда были более «подъемны», нежели изучение общенациональной динамики, вариаций и политики

---

⁶⁵ То же. С. 146–147.

⁶⁶ Shevzov, Vera. Указ. соч. С. 585.

официальной религии. Вне зависимости от причин, остается фактом то, что на тему «неправославных» религий написано намного больше научных работ, чем на тему истории РПЦ. Стоит ли добавлять, что так называемая «архивная революция» 1990х годов только подстегнула желание ученых пересмотреть классические труды советского периода, написанные Клибановым о сектанстве⁶⁷ и Смирновым о старообрядчестве?⁶⁸ Не надо забывать, однако, что понятие о более обширном изучении этих тем все равно находится в рамках очень ограниченного научного потенциала, направленного на изучение истории религии. Учитывая ограничения этой работы, дальнейший обзор будет стремиться по своему формату к выражению общих тенденций и рекомендаций для дальнейшего изучения религий России нежеле к рассмотрению отдельных работ. Тема религии за пределами институтов власти заслуживает отдельной полноценной работы и отдельного историографического обзора.

Наш обзор начнется со старообрядческой церкви в царской России.⁶⁹ Пожалуй, наиболее фундаментальная работа 1990-х годов на эту тему была написана Роем Робсоном, «Old Believers in Modern Russia».⁷⁰ Робсон вкратце рассматривает общую историю старообрядчества (не концентрируя внимание на расколе 1666, как это делалось

---

⁶⁷ Клибанов, Александр Ильич. История религиозного сектанства в России: 60-е годы XIX в.-1917 г. М. 1965; Он же. Религиозное сектанство и современность: социологические и исторические очерки. М. 1969; Он же. Религиозное сектанство в прошлом и настоящем. М. 1973; Он же. Из мира религиозного сектанства: встречи, беседы, наблюдения. М. 1974. Он же. History of religious sectarianism in Russia, 1860s-1917. New York: Pergamon Press. 1982.

⁶⁸ Смирнов, Петр Семенович. История русского раскола старообрядчества. М. 1971.

⁶⁹ Книга «Старообрядчество в России» (Ред. И.М. Юхименко. М. 1999) является сборником микроисторических статей, посвященных таким аспектам старообрядчества как церкви и монастыри, захоронения, и т.д. Н.Н. Покровский и Н. Д. Золникова, в работе «Староверы-часовенные на востоке России в XVIII-XX веках: проблемы общественного сознания» (М. 2002), предлагают текстовый, «пост-структуралистский» анализ религиозных работ староверов в Восточной части России. Более обширной является работа Geraci, Robert P. и Michael Khodarkovsky, ред. Of Religion and empire: missions, conversion, and tolerance in Tsarist Russia. Ithaca: Cornell University Press. 2001. Многообещающей является и диссертация Rogers, Douglas J. Old Belief and Rural Economies in the Russian Urals, 1861-Present. University of Michigan, Ann Arbor. Работа Paert, Irina. Old Believers, Religious Dissent and Gender in Russia, 1760-1850. (Manchester University Press. 2003) анализирует общины староверов Москвы и Ст-Петербурга с точки зрения их экономической деятельности, религиозных взглядов и социальной организации. Работа Шахова (Шахов, М.О. Философские аспекты староверия. М. 1997) – это больше размышления на тему религиозности, нежели исторический труд, но в ней можно найти немало интересного для историков. Болонев (Болонев, Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX веках. Новосибирск. 1994) выбрал небольшую общину как предмет своего исследования. Конечно, работа Крамми (Crummey, Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and the Russian State, 1694-1855. The University of Wisconsin Press. 1970.) давно стала классическим трудом по истории старообрядчества. Также следует отметить работу Хардвик по истории староверов, духоборов, молокан, баптистов и прочих выходцев из России в американских штатах Калифорния, Орегон, Вашингтон и Аляска. Hardwick, Susan Wiley. Russian Refuge: Religion, Migration and Settlement on the North American Pacific Rim. University of Chicago Press. 1993.

⁷⁰ Robson, Roy. Old Believers in Modern Russia. DeKalb, IL. 1996.

раньше). Но он уделяет основное внимание десятилетию после принятия Акта о Веротерпимости 1905 года. До 1905 года староверы успешно противостояли репрессиям Николая I и усиленным гонениям 1880-х – 1890-х годов. Более того, количество «вновь-обращенных» все увеличивалось. Литургия, ритуалы, архитектура, иконография – все говорило о сплоченности и цельности структуры старообрядчества. Однако проблемы староверов резко изменились с приходом религиозной свободы. Реакция на манифест 1905 года была очень неоднозначной в этих кругах и варьировалась, на удивление, не столько в зависимости от теологических позиций лидеров, сколько от их географического расположения и социального уровня. Жители крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, были «современными и модернизированными»; они приветствовали изменения в сторону большей свободы и пропагандировали адаптацию старообрядческой церкви к новым политическим и социальным условиям. Но приверженцы этой веры в более отдаленных районах, например в Сибири и на Урале, были «радикальными традиционалистами» и отрицали любые изменения, особенно в структуре церкви. Они оспаривали новое отношение к государству, к современной технологии и новым принципам коллективности («communitarianism»). Таким образом, большая свобода вероисповедания привела к разногласиям и фрагментации старообрядческой церкви. Робсон не утверждает, что последние десятилетия старого режима были кризисными для этой церкви. Но он, однако, приходит к выводу, что веротерпимость оказалась более сложным испытанием для старообрядчества, чем годы гонений.

Далее следует особо отметить работу О. Фишмана по изучению старообрядчества в Карельских общинах. Это одна из немногочисленных работ, которая рассматривает «инородное» старообрядчество в контексте этно-конфессиональной истории.⁷¹ Фишман следует заявлениям западноевропейских историков о том, что «религиозное самосознание остается наиболее ярко выраженным и наименее проблематичным в тех общинах, где оно тесно связано с этническим самосознанием».⁷² Он утверждает, что среди карельцев, старообрядчество стало центром их общины, сформированной после её миграции в район Новгорода в результате заключения Столбовского Мирного договора 1617 года. Изучая, помимо прочего, фольклор, Фишман приходит к выводу, что для членов этой общины, особенно в XVIII-XIX веках, быть Карельцем неизменно означало быть старовером, а быть старовером означало быть «чужим», быть иммигрантом на русской земле. Парадоксально, эта община создала свою, не совсем реальную, историю, согласно которой их прародители пришли на русскую землю в 1617 году уже как староверы, что противоречит истории Великого раскола 1666 года. Но каким бы ошибочным не было их

---

⁷¹ О. М. Фишман. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М. 2003.

⁷² McLeod, Hugh. Secularisation in Western Europe, 1848-1914. New York: St. Martin's Press. 2000. С. 233.

представление об истории Раскола, связь конфессионального и этнического самосознания позволила этой общине противостоять процессам ассимиляции на протяжении трех с половиной веков.

Прочие религии, существовавшие в царской России, заслуживают не меньшего внимания. Очень интересны тенденции в изучении ислама. Авторы трудов по истории ислама в своем большинстве заинтересованы в религиозной мотивации прошлых и современных чеченских и прочих террористов на территории Северного Кавказа и в освещении затянувшегося конфликта в этом регионе. Связывая прошлое с настоящим, эти историки ищут предпосылки к жестокости и насилию в исламе и их взаимосвязь с конфликтом между Чечней и Россией.⁷³ Почти без вариаций, эти труды утверждают, что начиная с XVIII века, чеченцы опирались на принципы джихада в борьбе с Россией, особенно во время совершения особо жестоких преступлений, во имя защиты своей независимости. Эти обсуждения так прямолинейны и односторонни, что они едва ли представляют интерес для изучения истории религии. Только недавно стали выдвигаться аргументы, что такое написание истории религии неверно отражает ислам в общем и ислам на Кавказе в частности. Так, например, не один из этих трудов не обсуждает регламентацию боевых действий в Коране.⁷⁴ Однако, оставим обсуждение джихада специалистам по исламу и лишь добавим, что труды по истории ислама пока в большей мере принадлежат истории терроризма и насилия нежели области истории религии. Безусловно, историки обращали внимание и на другие стороны ислама в России и изучали, например, ислам сради Крымских татар и в Центральной Азии.⁷⁵ Но работы по истории ислама на Кавказе, в основном из-за своего количества, твердо заняли передовые позиции.

---

⁷³ Например, Smith, Sebastian. *Allah's Mountains: Politics and War in the Russian Caucasus*. London. 1998. Johnson, James Turner. *The Holy War Idea in Western and Islamic Traditions*. University Park, PA. 1997. Malashenko, Alexander. *Islam Revival in Modern Russia*, Carnegie Endowment for International Peace. M. 1998. Абдулатипов, Р. Г. *Судьбы ислама в России: история и перспективы*. М. 2002. Jersild, Austin. *Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 2002.

⁷⁴ Устинов, Владимир. *Обвиняется терроризм*. М. 2002.

⁷⁵ Например Frank, Allen J. *Muslim religious institutions in Imperial Russia: the Islamic world of Novouzensk District and the Kazakh Inner Horde, 1780-1910*. Boston. 2001. Ланда, Роберт. *Ислам в истории России*. М. 1995. Weisensel, Peter R. *Russian-Muslim inter-Ethnic Relations in Russian Turkistan in the last Years of the Empire*. Rorliche, Azade Ayse. *Sultangaliev and Islam. // Ethnic and National Issues in Russian and East European History: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies*. Warsaw. 1995. Kirimli, Hakan. *National Movements and National Identity Among Crimean Tatars, 1905-1916*. New York. 1996.

Аналогично, тема насилия⁷⁶ привалирует и в работах по изучению иудаизма в России.⁷⁷ Погромы 1881-82, 1903-06 и 1919-21 годов стали ярким проявлением народного антисемитизма, который привел к многочисленным человеческим жертвам и разрушению имущества. Эти события всегда привлекали внимание историков больше, чем динамика иудаизма. Но если и были добавлены детали к событиям погромов (особенно такими историками как Джон Клиер, Шломо Ламброза и Эдвард Джадж), то общие выводы не изменились. Историки все также утверждают, что погромы не являлись результатом сознательной политики российского государства и что государственный строй можно обвинять только в том, что он терпел антисемитские настроения в обществе, которые впоследствии привели к погромам.⁷⁸ Только малое количество историков интересуется какими-либо прочими проявлениями «еврейского вопроса» в России,⁷⁹ и лишь недавно

---

⁷⁶ Klier, John. Christians and Jews and the 'dialogue of violence' in late imperial Russia. // Religious Violence Between Christians and Jews: Medieval Roots, Modern Perspectives. Ред. Anna Sapir Abulafia. New York. 2002. Kniesmeyer, J. and D. Brecher. Beyond the Pale: The History of Jews in Russia." Exhibit, 1995. Быть евреем в России: Материалы по истории русского еврейства, 1900-1917 годы. Иерусалим. 2002. Nathans, Benjamin. Beyond the pale: the Jewish encounter with late imperial Russia. Berkeley: University of California Press. 2002.

⁷⁷ Несмотря на то, что это не исторический труд, нельзя игнорировать дебаты по поводу выхода в свет книги А. Солженицына «Двести лет вместе». Как известно, Солженицын пытается осветить роль евреев в Революции 1917 года и в последующих репрессиях, утверждая при этом, что евреи были не только жертвами, но и исполнителями этих событий. Например, Киевский ЧК состоял на две трети из евреев. Эти и прочие утверждения вызвали волну протеста со стороны еврейских общин всего мира. Солженицын, А. Двести лет вместе (1795-1995). М. 2001.

⁷⁸ Klier John D. , and Shlomo Lambroza, ред. Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge University Press. 1991. Judge, Edward H. Easter in Kishinev: Anatomy of a Pogrom (Reappraisals in Jewish Social and Intellectual History). New York University Press. 1992. Клиер анализирует обсуждение вопроса еврейства среди интеллигенции. В эти годы интеллигенция активно бсуждала вопрос, являются ли евреи нацией или просто приверженцами одной веры. Klier, John D. The Russian Jewish Intelligentsi and the Search for National Identity. // Ethnic and National Issues in Russian and East European History: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. Ред. John Morison. New York. 2000. С. 131-146. Также представляют интерес: Куповетский, М.С., Е.В. Старостин и Веб Малек, ред. Документы по истории и культуре евреев в архивах Москвы: путеводитель. М. 1997. Васильев, А. Обзор документальных источников по истории евреев в фондах РГВИА. М. 1994. Дейх, Г.М. Архивные документы по истории евреев в России в XIX- начале XX вв.: A research guide to materials on the history of Russian Jewry, 19th and early 20th centuries, in selected archives of the former Soviet Union. М. 1994. Aronson, Michael. Troubled waters: the origins of the 1881 anti-Jewish pogroms in Russia Pittsburgh, Pa. 1990. Кельнер, В., ред. Евреи в России: XIX век. М. 2000. Haberer, Erich. Jews and revolution in nineteenth-century Russia. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. Пудалов, Б. М. Евреи в Нижнем Новгороде (XIX-начало XX века). Н. Новгород. 1998. Бойков, В. Ф. Тайна Израиля: «еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX-первой половины XX вв. С-П. 1993. Блудницкий, О. В. Евреи и русская революция: материалы и исследования. М. 1999. Селянинов, Александр. Евреи в России. М. 1995.

⁷⁹ Например, Stanislawski, Michael. Jewish Apostasy In Russia: A Tentative Typology. // Jewish Apostasy in the Modern World. Ред. Todd Endelman. New York. 1987. С. 189-205. Freeze, ChaeRan Y. When Chava Left Home: Conversion, Gender, and the Jewish Family in Imperial Russia. // Polin №19. 2004. Safran, Gabriella. Rewriting the Jew: Assimilation Narratives in the Russian Empire. Stanford, Calif.: Stanford University Pres. 2000.

стали появляться отдельные замечания по поводу либеральной тенденции государства по отношению к евреям в последние десятилетия царского режима.⁸⁰

Привлекла внимание ученых и униатская (украинская греко-католическая) церковь. Например, Барбара Скиннер показала,⁸¹ что после насильственного обращения украинцев-приверженцев униатской церкви в православие, оппозиция православию продолжалась еще много лет, хоть эта оппозиция и не приняла насильственный характер. Многие униаты предпочитали не крестить детей и не отпевать умерших, нежели совершать эти обряды в православных традициях. Более того, многие священнослужители удалили очевидные признаки униатской церкви с религиозных построек, но продолжали совершать униатские службы. Работа Скиннер также подчеркнула, что РПЦ и государство не могли эффективно сотрудничать (по крайней мере до 1839 года) в религиозных вопросах и что уровень свободного вмешательства государства в религиозные дела во имя территориальной общности и политических интересов был вне всяких ограничений. Во всех религиозных процессах, Министерство Внутренних Дел и Генерал-Губернатор Киева имели больше власти, чем какое-либо религиозное лицо. Историк Г. Бруесс в своей работе приходит к аналогичным выводам после изучения попыток Екатерины Великой объединить многочисленные народности юга в единую «Россию».⁸²

В конце, следует коротко рассмотреть вопрос протестантизма и католицизма в России. Наиболее интересной является работа Г. Фриза «Lutheranism in Imperial Russia: A Critical Reassessment»,⁸³ которая пересматривает взаимоотношения Русской Православной и Лютеранской церквей в России. Фриз утверждает, что в отличие от установившегося мнения о резком изменении в отношениях этих двух церквей в середине XIX века,⁸⁴ эта перемена была совсем не радикальной. Лютеранство не повлияло на реформы Петра в той степени, в которой это видят некоторые историки. Однако РПЦ все время проявляла интерес к лютеранским методикам, хоть и делала это аккуратно и не открыто начиная с середины XIX века, со времени так называемого «перелома в отношениях». Более того, Фриз утверждает, что лютеранство не представляло угрозы для РПЦ в той мере, как старообрядчество или католицизм, ни с точки зрения географии своих общин, ни с точки

---

⁸⁰ Gassenschmidt, Christoph. *Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia, 1900-1914: The Modernization of Russian Jewry*. New York: New York University Press. 1995.

⁸¹ Skinner, Barbara J. *The Empress and the Heretics: Catherine II's Challenge to the Uniate Church, 1762-1796*. (Russia, Ukraine, Belarus). Georgetown University, 2001.

⁸² Bruess, Gregory Lynn. *Religion, Identity and Empire: A Greek Archbishop in the Russia of Catherine the Great*. Columbia University Press. 1997.

⁸³ Freeze, Gregory L. *Lutheranism in Imperial Russia: A Critical Reassessment*. // *Luther zwischen den Kulturen*. Ред. Hans Medick and P. Schmidt. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht. 2003.

⁸⁴ Фриз ссылается на работу Курило О.В. *Очерки по истории лютеран в России (XVI-XXвв.)*. М. 1996. С. 19-21, для обзора литературы на эту тему.

зрения количества приверженцев этой церкви. В истории отношений лютеранства и РПЦ в общем было мало официальных столкновений. Единственным «камнем предковения» была Прибалтика, и именно там произошли основные столкновения двух церквей в 1840-х и 1880-х годах. В 1840-х годах, тысячи обездоленных крестьян-лютеран приняли православие в тщетной надежде получить льготы и «мирские блага». В 1880-х годах прошла кратковременная, и безрезультатная, государственная (не церковная) кампания по руссификации этого региона, которая в результате лишь повысила общий уровень антирелигиозности.

По сравнению с лютеранством, католицизм представлял бóльшую угрозу для РПЦ во всех отношениях. Католическая церковь в России претерпела много выпадов в свою сторону от государства, и её положение было всегда осложнено так называемым «польским вопросом» того времени. Большинство католиков жило на территории Польши, и каждое польское восстание (1830 и 1863гг.) выливалось, помимо всего прочего, в очередной конфликт с католической церковью. История этих сложных отношений заинтересовала не одного историка, включая Д. Данн и Е. Цимбаеву.⁸⁵ И хотя следовало бы обсудить тему сектанства и прочих религий в России, оставим этот вопрос на будущее.⁸⁶

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение остается только сказать, что в последнее десятилетие, новые работы по истории религии перечеркнули предыдущие представления и понятия, ранее казавшиеся аксиомами. В основном благодаря работам Г. Фриза, РПЦ больше не рассматривается как инструмент в руках государства и воспринимается как независимая единица. В XIX веке, РПЦ пыталась усилить свое влияние, особенно посредством ужесточения контроля над практикой браков и разводов. Но ей в тоже время пришлось вынести многочисленные оскорбления со стороны государства, что позволило РПЦ отойти от поддержки государственного строя. РПЦ столкнулась с различными бюрократическими и финансовыми сложностями, особенно всвязи с ростом населения и урбанизацией.

С точки зрения религии *per se*, ученые установили, что динамика роста и спада народной религиозности в России развивалась не параллельно процессам секуляризации в Западной Европе. Народная набожность не исчезла, и очень большая, по сравнению с другими странами, часть населения продолжала соблюдать религиозные обряды и

---

⁸⁵ Dunn, Dennis J. *The Catholic Church and Russia: Popes, Patriarchs, Tsars, and Commissars*. Ashgate Publishing Company. 2004. Цимбаева, Е.Н. *Русский католицизм: забытое прошлое российского либерализма*. М. 1999.

⁸⁶ На тему всевозможных сект (духоборы, молокане, баптисты, и т.д.) писала Сюзан Хардвик (Susan Wiley Hardwick). Также интересна работа Coleman, Heather. *Becoming a Russian Baptist: Conversion Narratives and Social Experience*. // *Russian Review*. 61. 2002. С. 94-112.

традиции. Население России поддерживало религию в её разных проявлениях и в XIX, и в XX веках, несмотря на то, что некоторые рабочие в городских центрах отошли от религии, народ продолжал использовать элементы язычества в православных обрядах, и количество сектантов значительно возросло.

Историки также установили, что религия могла выступать как источник социального влияния для женщин, и особенно для женщин высшего класса. Также возросла приверженность монашеству среди женщин конца XIX века. Однако гендерные роли диктовали свои условия женского участия в религиозных делах и очень ограничивали «женское измерение» религии. Эти работы показали важность гендерного анализа для изучения истории религии.

Национальность и этничность выступили в ключевой роли в анализе различных религиозных общин. Для членов этих общин, жизнь в многоэтнической и многоконфессиональной России была тяжелой, и, неизбежно, в этих условиях религия стала центром их самосознания. Изучение этих общин, и особенно ислама, требует дальнейшего детального анализа с новых точек зрения.

И так, данный обзор попытался показать новые достижения в области изучения истории религии. Но многие вопросы остаются пока не освещенными и не разработанными. Для начала, будем надеяться, что обсуждение истории религии станет неотъемлемой частью школьной и «вузовской» программ по истории России и истории Европы и мира.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ